

Продолжаем обсуждение: «Зарубежная литература XX века и задачи критики»

© 1989, Гугнин А.,

«Вопросы литературы», 1988, N 6, 12.

А. ГУГНИН

Два необходимых пояснения от автора:

1. Некоторые шероховатые и заведомо неточные формулировки имеют здесь единственную цель – «взрыхлять» почву для общего разговора, а не «заглаживать» ее. Мы столько лет стремились – при явном неблагополучии – создавать видимость непрерывного поступательного движения «вперед и выше», что важнее всего сейчас снова спуститься на равнину с ее канавами и ухабами.
2. При всей возможной резкости отдельных тезисов мне меньше всего хотелось бы кого-то обижать лично; я не делаю здесь никаких намеков завуалированного характера, конечная цель у меня одна – короче и яснее сформулировать свою точку зрения на обсуждаемые проблемы, точку зрения человека заинтересованного, почти вся сознательная жизнь которого ушла на преодоление примитивных клише и шаблонов, прививавшихся моему поколению (я родился в 1941 году) на всех возрастных уровнях. Естественно, что в данном случае мои суждения – всего лишь мои суждения и меньше всего претендуют на всеобщность.

Многие годы внушавшаяся истина о том, что если приложить к какому-либо предмету или понятию эпитет «социалистический» или «марксистский», то этого вполне достаточно, чтобы данный предмет или понятие автоматически приобрели особое ценностное качество, несомненно возвышающее их над теми же предметами или понятиями, не имеющими этого эпитета, пока не подтвердила себя в реальной действительности XX века, по крайней мере в сфере гуманитарных наук. Социалистический реализм считался заведомо лучше, чем просто реализм, марксистское литературоведение было заведомо научнее, чем просто литературоведение, марксистская критика, (естественно, была не чета буржуазной). На завораживающем гипнозе вышеназванных эпитетов воспитывались целые поколения учителей, литературоведов, писателей, критиков, читателей. Пока мы не избавимся от этого гипноза, мы

не вылезем и из клетки сектантской ограниченности во взглядах и суждениях на литературу, особенно на литературу XX века. Идея гуманного социалистического общежития была настолько дискредитирована в годы репрессий, догматических извращений и бюрократического застоя, что возродить ее сейчас заново – не легче, а, может быть, даже и труднее, чем было провозгласить ее в 1917 году. Перестройка в моем понимании – это прежде всего создание гуманного человеческого общежития, в котором, как говорили еще Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии», «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех». Насколько бы свободнее, развитее, разностороннее и богаче было сейчас наше общество, если бы мы самыми разнообразными грубыми и изощренными методами столько лет не подавляли это самое «свободное развитие каждого», не заставляли людей «не смей свое суждение иметь», а иметь лишь то суждение, которое предписано в том или ином бюрократическом циркуляре. Особенно от этого оскудела духовная жизнь общества, оскудела в такой степени, что общество, кажется, уже и не замечает этого. Столько раз; мы за последние десятилетия элементарное невежество, элементарную духовную близорукость или сектантство провозглашали нашими классовыми, социалистическими ориентирами, что, на мой взгляд, мы пока еще даже плохо представляем себе, как непросто будет избавиться от этого разлагающего и отупляющего бездуховного наследия. Литературоведение и критика могут выйти из духовного кризиса лишь вместе со всем обществом, постепенно осознавая истинные цели и задачи всего человеческого сообщества. А истинные цели и задачи эти – по разным причинам – во многом оказались смещенными: иначе бы человечество в конце XX века не стояло на грани экологической и ядерной катастрофы... Основная и важнейшая задача наших литературоведов (в том числе и зарубежных) – избавиться от постыдного, ни на чем не основанного высокомерия по отношению ко всему опыту человеческой истории, человеческой культуры, предшествовавшей социалистическому ее этапу. Жалкие и нелепые фразы вроде «Гёте не понял», «Достоевский не видел», «в силу своей ограниченности Толстой не мог осознать», предполагают по крайней мере, что говорящий их сам что-то видит, понимает и осознает. Всякое настоящее изучение художника (в том числе и зарубежного) должно сосредоточиваться не на том, что он не видит, не понимает и не осознает, а в первую очередь и в основном на том, что же он увидел, осознал и понял в жизни и в искусстве такого, чего не видели до него другие и чего, может быть, до сего дня еще не видим мы. При достаточной честности тут же исчезнет высокомерный тон и останется лишь подобающее восхищение тем, как необъятно много поняли, увидели и осознали Толстой, Достоевский и Гёте, и все глубже будет укореняться понимание того, сколь многих непоправимых ошибок могло бы избежать человечество, если бы внимательнее читало своих гениев и стремилось претворить их гуманные мысли в реальную действительность. Литературовед прежде всего и есть такой внимательный читатель, который с помощью своего призвания (любви к литературе, к постоянному и внимательному чтению) и своей профессиональной подготовки способен глубже понять писательский текст, раскрыть зашифрованный в контекст той или иной исторической эпохи его глубинный смысл и донести этот явный и скрытый смысл на языке понятийных и эстетических категорий до самого широкого читателя. Но настоящий литературовед и тем более критик – не пересказчик и систематизатор текстов, он всегда несет читателю свою философию, свою эстетику, свой собственный взгляд на мир. Много лет мы добивались того, чтобы советский литературовед и критик всегда изрекали некую абсолютную, «государственную» истину. В конечном итоге из этого выростала не истина, а обезличивание, упадок литературоведения как самостоятельной науки и критики как духовного посредника между текущим литературным процессом и насущными потребностями общества. Как сама художественная литература не может существовать без личности писателя, так и литературоведение и особенно литературная критика не могут быть обезличенными. В обезличенном обществе легче совершать преступления, в огосударствленном литературоведении и критике наверху всегда окажутся Ждановы, Ермиловы и Еголины. Демократизация и гласность в литературоведении и критике должны, по-моему, прежде всего начинаться с восстановления личностного начала, с того, чтобы литературоведы и критики не боялись доверить читателю свои философские, эстетические и нравственные идеалы, а журналы и издательства не боялись эти личностные, никак не претендующие на абсолютную и тем более «государственную» истину, статьи печатать. Тогда возникнут и живые, то есть идущие от глубинных жизненных потребностей, а не придуманные или заданные кем-то, дискуссии, сами собой оформятся литературоведческие школы и направления, то есть естественно возникнет тот социалистический плюрализм мнений, о котором в последнее время говорят на самых высоких уровнях. Сейчас дискуссии, по-моему, часто еще ведутся по линии сведения личных счетов... Что же касается вопросов, затронутых в дискуссии в «Вопросах литературы», то здесь сразу бы хотелось

сформулировать свою исходную позицию. Каждый серьезный специалист, долго изучавший тот или иной культурный регион, литературную эпоху или отдельную литературу, всегда найдет и сможет предложить немало интересных, на его взгляд, проблем и назвать целый ряд не изданных еще на русском языке произведений. Это, естественно, нетрудно сделать и мне, назвав еще целую группу не упоминавшихся здесь имен и произведений зарубежных писателей (в том числе по немецкоязычным литературам, и особенно по литературе ГДР) и присоединившись ко многим уже высказанным рекомендациям. Но еще важнее, чем «пробивание» любимых и вполне заслуживающих внимания советской аудитории авторов (этим «пробиванием» мы и так ведь занимаемся почти ежедневно в текущей работе с издательствами), мне кажется уяснение самых общих причин уникальной инертности и косности большинства наших журналов и издательств. Не уяснив эти причины, мы долго еще будем «латать дыры и прорехи» в нашем литературном хозяйстве и – при всей видимости внешних успехов (как же: издаются доселе не изданные произведения!) – по существу будем отставать все больше и больше. Не претендую здесь на полный «диагноз», скажу лишь о том, что меня лично особенно волнует.

Мне кажется, что ситуация в издании и изучении зарубежных литератур (а во многом и русской и советской литературы) не изменится очень существенно, пока и в целом, и в частности мы не избавимся от чувства собственного превосходства, основанного на примитивном невежестве, на элементарной подмене действительного желаемым, конкретной культурной реальности наивными стереотипами и клише. В истории таких подмен было много, но это не значит, что они не повторяются. Когда Гитлер объявил «тысячелетний рейх», многие его соотечественники вполне искренне ему поверили. Самая свободная и демократичная в мире Сталинская конституция была принята при общем ликовании как раз накануне репрессий 1937 года, и параграфы ее ничуть не помешали этим репрессиям.

1. Подробно эта проблема рассмотрена в статье Д. Затонского «Трактат о лояльности» («Вопросы литературы», 1988, N 7).
2. М. С. Горбачев, Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира, М., 1987, с. 141.
3. «Называть вещи своими именами», М., 1986, с. 478.